

Ирина Дубровская

РОДНЫЕ ИМЕНА

Лирические портреты и посвящения

Одесса
Optimum
2016

ББК 84 (4Укр=рус) 6 Од.
Д 79

Ирина Дубровская

Д 79 Родные имена. Стихотворения. – Одесса:
Изд-во «Optimum», 2016. – 100 с., ил.

ISBN 978-966-344-682-0

ББК 84 (4укр=рус) 6 Од.

©Ирина Дубровская, 2016

©Изд-во «Optimum», 2016

ISBN 978-966-344-682-0

*Эта книга — признание в любви
к Русскому Поэтическому Слову,
частью которого себя ощущаю.*

В ваших чертогах мой дух окрылился...
Фет

Я ветвь меньшая от ствола России...
Тарковский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В пушкинский альбом

1

Я не люблю метафор отвлечённых,
Я не терплю словесной суеты.
И тяжело мне от стихов «учёных» —
Они столь многосложны, сколь пусты.

Так что ж люблю я? Пушкина, пожалуй.
За «глуповатый», искренний порыв,
За русский слог, и лёгкий, и усталый,
За пылких чувств стремительный прилив.

За стройный ум, за ясный взгляд провидца,
За тайный мир, сокрытый в глубине...
За то, что не могу остановиться,
Перечисляя всё, что люблю мне!

И всё-таки — за музыку, за нежность,
За звуки те, что сердцу так близки;
За страшной той дуэли неизбежность
И за бессмертный промысел строки.

За то, о чём тоскуем мы сегодня,
Когда враждой и ложью заслан путь:
На сумрачном пороге преисподней —
За чистоту, которой не вернуть.

2

От Пушкина отсчитывай!
Пусть не достигнешь ты,
Привыкший к нарочитому,
Той дивной простоты,

Пусть не достанешь близко ты
До пушкинских вершин,
Но вряд ли будут низкими
Пути твоей души.

Не отступи от тех начал,
Которых ближе нет.
Там ритм строки тебя качал,
Там в душу лился свет

Родного слова, и простор
Его не знал границ.
Тем светом жив ты до сих пор,
Волшбою тех страниц

Ведом сквозь грохот и кошмар,
Пришедшие вослед.
Поверь, и ныне Божий дар
Превозмогает бред.

От Пушкина, кто б ни был ты,
Веди свой день и слог.
И будут помыслы чисты,
И не оставит Бог.

3
«Евгений Онегин»

«Онегина» воздушная громада...
Ахматова

Когда не продохнуть уже от смрада,
Когда зовут разнузданность свободой,
«Онегина» воздушная громада
Спасает от нехватки кислорода.

Среди алчбы и суетных метаний
Вдруг вспомнишь — и отступят все пороки, —
Как юная застенчивая Таня
Слагала незатейливые строки.

И, этих строк сражённый чистотою —
Невиданной, утраченной, забытой, —
Ты словно дно отыщешь золотое,
Ты склеишь то, что вдребезги разбито.

И вот уже среди царственного бала
Ты явственно, без всякого обмана,
Почувствуешь, как сердце запылало,
Когда вошла прекрасная Татьяна.

И, пожалев влюблённого героя,
Казнимого прозреньем запоздалым,
Ты, как и он, к привычному настрою
Едва ль вернёшься, но пойдёшь к началам:

К тому незабываемому лону,
К тому неувядаемому слову.
На мир посмотришь взглядом обновлённым
И станешь жить, возможно, для иного.

4

Детали биографии не суть,
До списков донжуанских нет мне дела.
Публичной и порочной жизни тела
Куда важней души глубинный путь.

Лишь проникая сердцем в глубину,
Мы подлинные слышим откровенья.
А в них — непогрешимую струну,
Что над судом *общественного* *меня*

Возвышена и музыки полна.
Та музыка есть главное в поэте:
Известном всем, непонятом, как дети,
Чья речь всегда правдива и вольна.

...И милость к падшим призывал.

В той гениальной простоте,
 Непостижимой для потомков,
 Нет места их пустейшим толкам
 И их духовной слепоте.
 Чем проще — тем трудней прочесть
 Привыкшим к нынешним забавам,
 Что милости в ней место есть
 К их безнадежно падшим нравам.

Разговор по скайпу

Т. Сычёвой

Говорим о Пушкине с тобой,
 И уже как будто не друг друга
 Видим, а единый дом родной —
 Пушкинское слово. Как ни туго

В этой жизни, сколько ей ни течь,
 С нами круг спасательный повсюду —
 Золотая пушкинская речь,
 Богом нам дарованное чудо.

И подумай только, что за честь —
 С ним в одной стране родиться, строки
 В подлиннике по сто раз прочесть
 И опять в их звонкие потоки,

Находя в известном новизну
То и дело, прыгать с головою!
Что за счастье — с ним иметь одну
Родину и душу, ретивое

Чувствовать, как бьётся в глубине,
Радуюсь тому, что жизнь прекрасна,
Мучась, если лик её в огне.
Ибо живы, ибо сопричастны

Как и он, волнениям земным,
Как и он — сияниям небесным.
Мы о нём не то что говорим —
Мы скорей заглядываем в бездну.

И глядим, что глаз не оторвать,
Суетных помех не замечая.
Говорим о Пушкине опять,
В каждом слове Вечность ощущая.

7

Краткость

Мне мил и дорог краткий слог,
Чья не надуманна природа.
Духовных поисков итог,
Он лёгок как дитя свободы.

Ему любая фальшь чужда,
В нём нет ни позы, ни жеманства.
Он, как небесная звезда,
Высок и чист без самозванства.

Он незатейлив, но за ним
Души надежды, сердца муки.
Всей необъятной жизни звуки —
За одеянием простым.

2006, 2010, 2011, 2013

Между летом и зимой
(К Пушкину)

Эта осень, эти жёлтые одежды,
Это небо с журавлиною каймой...
Как люблю я всё, что зыбко, всё, что между
Жарким летом и холодной зимой!

Вам, конечно, было в Болдино получше,
О маэстро, о повеса, о мудрец!
Но и Вас ведь обошло благополучье:
Вам колпак не подошёл, а мне — чепец.

Знаю, знаю, Вы лежали на диване,
Вы любили незатейливый уют.
Что с того? И я полёживаю в ванне,
Но спокойствия мне ванны не дают.

Всё на нервах, всё на иглах, и представьте,
Чем больше — тем удачнее плоды.
О маэстро, не забудьте, не оставьте,
Я и так уже на краешке беды!

Эти бездны, эти пропасти и щели, —
Вы ведь тоже в них заглядывались всласть.
О, гурман, ценитель острых ощущений,
Не от Вас ли эта гибельная страсть,

Это вечное желание влюбляться,
Став под пули, как заправский дуэлянт?..
Вы, конечно, поспешили бы стреляться
И стихи писать в изящный фолиант —

Мне, прелестнице двадцатого столетия,
Обладательнице *женского* ума!
Знаю, знаю, Вы таких ловили сетью,
Ни холера не пугала, ни чума.

Пиروвали, воспевали совершенство,
За чертой бывали столько, что не счесть.
Но и Вы не удостоились блаженства,
Потому-то жизнь и отдана за честь.

Что в ней, в жизни, о маэстро, о безумец?
О любовник — как печально, что не мой!
И меня ведь ни за что не образумить.
Но люблю я между летом и зимой

Эту краткую и ласковую пору,
Это острое томление строкой.
Эту жизнь, где нет ни счастья, ни опоры,
Но бывают всё же воля и покой.

1994

Читая Тютчева

1

Умом Россию не понять...

Овеянный ненастьем,
Он, словно скорби дух,
Шёл об руку с несчастьем,
Пророчествуя вслух.

Не книжный он мессия,
Собравший в складки лоб.
Что милую Россию,
В отличие от «Европ»,

Аршином не измерить,
От сердца изложил.
Сказал, что надо верить, —
И верил. И служил.

Доныне не вступаем
Мы с ним в напрасный спор.
Умом не понимаем,
Но верим до сих пор.

2

Весеннее приношение

Люблю грозу в начале мая...

Строке излюбленной внимая,
Её всё больше ценишь вес.
И я люблю в начале мая
Потоки звонкие с небес.

И мне по сердцу эти громы
И светом брызжущие дни.
Как будто я вдали от дома
И милой пристани огни

Путеводителем в дороге
Мне светят с тютчевских страниц.
Во дни печали и тревоги,
Среди чужих, недобрых лиц,

Когда о будущем болею,
Когда неволит суета,
Всё мне дороже, всё милее
Родного слова красота.

3

К «Денисьевскому» циклу

1

Как ни бесилося злоречье...

«...Она сидела на полу
И грудю писем разбирала...»
Ей смертоносную хулу
Молва вдогонку посылала.

Кольцом железным окружив,
Она с неистовством звериным
Её гнала. И вот обрыв,
Конец мученьям нестерпимым.

И не осталось ничего,
Она взметнулась — и сгорела.
И ни о чём не сожалела,
А лишь молилась за него.

А он, судьбе идя навстречу
И зная горестный финал,
Пока бесилося злоречье,
Её стихами отпевал.

2

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...*

Едины гибель и спасение,
И то прекрасно, что опасно.
Душа в года свои осенние
Земной любви ещё подвластна.

Но как на склоне жизни тающей
Томит её прикосновенье!
В тисках земного обиталища
Нам всё ж доступно вдохновенье.

И, если счастье быстротечное,
Едва явившись, отвернётся,
Мы всё ж напишем строки вечные
Пред тем, как сердце разорвётся.

3

Он так любил, что не сберёт
Её от волн судьбы мятежной.
Но боль утраты неизбежной
Он сам себе же и предрёк.

Так, вместо будней ремесла,
Предпочитая кровь чернилам,

Как смерть, Поэзия пришла
И обе жизни подчинила.

4

О, как не знать в земном пределе,
Что Рок не пощадит сердец?
Ведь так любить они посмели,
Что выше только сам Творец.

Что ж, так всегда: кто внемлет Музе,
Идёт на плаху до конца.
И горе той, что с ним в союзе.
Под сенью смертного венца.

О, роковое их слиянье,
Искра, сжигающая в дым!
Сердца прожгла до основанья,
Бессмертным следом огненным

Стихи оставив за собою.
Да, так всегда — одним сгорать,
За горло схваченным судьбою,
Другим — об этом лишь читать.

2003, 2016

Лермонтов

1

За краткий век он столь постиг,
Познал такую даль,
Что мальчик он или старик,
Отвечу я едва ль.

Он, как послушник, дик и глух
К теченью бранных нужд.
С кавказских гор сошедший дух
Равнинной жизни чужд.

Но жизнь берёт его в полон,
Силком выводит в свет.
Разит, язвит со всех сторон,
И он язвит в ответ.

Одним движеньем языка,
Смеясь, настигнет цель,
Как ангел, падший свысока
В земную колыбель.

У славы велика цена,
Но нету цен других:
Отравлен ум, душа темна
И гениален стих.

2

Прощай, немытая Россия...

Его вела за сто морей
Далёкая звезда.
С немытой родиной своей
Прощаясь навсегда,
Он всё, что дал ему Творец
И демон подмешал,
Ей, как таинственный ларец,
В наследство завещал.
Теперь попробуй, отвори —
Таинствен до сих пор.
И что о нём ни говори —
Всё суета и вздор.

3

Парус

Что за день-то такой,
что так сердце щемит?
Не на солнце ли новая вспышка?
Это русский поэт на дуэли убит,
двадцатишестилетний мальчишка.

Что за странный челнок?
В ряд плывут корабли,
только он одиночкой бродит.
Это парус его всё белеет вдали
и покоя никак не находит.

Что за ропот в тиши,
среди бессонных ночей,
и в полнеба заря огневая?
Это голос его прозорливых речей,
это слава его мировая.

4

Печорин

С детства к «лишним» тяготела:
Их несчастная душа
Много общего имела
И с моею. Путь верша
По колдобинам эпохи,
Сердце раня на ходу,
Им любви дарила вздохи
В пылком девичьем бреду.

Лишним быть, печать изгоя
Получить, как царский трон, —
Чем не почва для героя,
Коль в России он рождён?
Если вы душой страдали,
Вам знакомы и близки
Обаяние печали,
Бормотание тоски.

Неприкаянности бремя
Возбуждает интерес.
Твой герой как ангел, время,
Падший с розовых небес.
Мысль докучливая гложет,
Проникая в существо:
Кто несчастлив, тот не может
Осчастливить никого.

Но покуда сердце ноет
И объят смятеньем ум,
Угадать труда не стоит,
Кто властитель ваших дум.
О, творение Поэта!
Хоть сменились времена,
По нему и нынче где-то
Сохнет юная княжна.

2015 – 2016

К Фету
(*Лунная ночь*)

1

Сияла ночь. Луной был полон сад.

И вновь туда, где полон сад
Сияющей луной,
Нет-нет и обернётся взгляд,
И влажной пеленой

Опять подёрнется зрачок,
Ночной объятый мглой.
— О чём ты плачешь, дурачок?
— О нежности былой.

О тех ночах, о тех очах,
Что не забыть вовек.
О, дивной лирики очаг,
От прозы оберег.

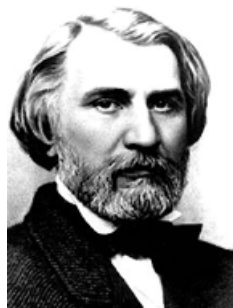
От суеты, от глухоты —
Её хрустальный звон.
— Ночь на дворе, куда же ты?
— Я к Фету на поклон!

Тургенев

1

Русский язык
(Перекличка)

*...О великий, могучий,
правдивый и свободный русский язык!*

Великий и могучий? Да!
Но суть величья, господа,
В высоком трепете созвучий:
Как родниковая вода,
Они бегут с небесной кручи.
Когда нагрянет вдруг беда

И исказится всё вокруг,
И не придёт на помощь друг,
Лишь песня душу обласкает
И вдохновит её на труд.
И миру даст такие звуки,
Каких столетья не сотрут.

Во дни сомнений и тоски,
Когда родные не близки,
Лишь слово русское на сердце.
И если раны глубоки,
Живой водой на них прольётся,
Вольётся в музыку строки

Великим и могучим звоном
Колоколов российских, стоном
Всегда обманутых рабов,
Весенним шелестом зелёным
И низким до земли поклоном
За щедрость песенных даров.

2

Его любовь

*...Как будто не сливались мы сердцами,
И так легко расторгнуть наш союз.*

Нет, не расторгнут их союз!
Он, словно жаждущий в пустыне,
Душою тянется к Полине.
Неся обыденности груз,

К её божественности льнёт,
С судьбой-разлучницею споря.
Его любовь светла, как зори,
Легка, как горлицы полёт.

Тепла, как вешних вод струенье,
Нежна той нежностью земной,
Сестра которой — вдохновенье —
Стоит, как ангел, за спиной.

3

Золотой век

Утро туманное...

Снова мысль неустанная
Пленена красотой:
Это утро туманное,
Этот век золотой.

Отбыл срок свой отмеренный,
Как заря, отсверкал.
Золотой, не разменянный
На дешёвый металл.

Звуком адского молота
Истерзалась душа.
Но не выцвело золото:
Над землёю дыша

Нескончаемой свежестью,
Продолжает сиять,
В пику злу и невежеству
Призывает читать

Книги, веком не званные.
Устарели? Ничуть!
Как и утро туманное,
Как и вечная суть.

2001, 2016

К Некрасову

*...Кому живётся весело,
Вольготно на Руси?*

*Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.*

*И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»*

Кому живётся на Руси?
Пойди Некрасова спроси.

Да разве ж знает он о том?
Вчерашний день, часу в шестом,

Он появился на Сенной.
Там били женщину. Спиной

Она израненной была
К нему повёрнута, ждала,

Что он ответит на вопрос.
А он... он намертво прирос

К своей страдающей земле.
Был искушён в добре и зле,

Поди, немало нагрешил.
Но он с Россией в сердце жил,

И дух народный, слог простой
Заглавной сделались чертой

Его таланта. Не проси,
Кому живётся на Руси,

Не знает он наверняка.
Томит, гнетёт его тоска

По справедливости земной.
За ту, что били на Сенной,

Свою он чувствует вину.
Уже за это помяну

Его добром. И не забудь:
Всё суета, лишь это суть.

2016

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Приношение Анненскому

1

В тиши

В сердце тонкую иглу
Мне вонзил поэт.
Про сиреневую мглу
И про маков цвет,
И про падающий снег,
Что земле к лицу,
И про жизни быстрый бег
К скорому концу,
Он подробно написал
И свои стихи
Тихой песнею назвал.
Да и впрямь тихи
Эти строки. В их тиши
Слышится как стон
Колокольчиков души
Грустный перезвон.

2

Мерцание

...Одной Звезды я повторяю имя...

Тонко-тонко, нежно-нежно,
обречённо, безнадежно,
хрупко, как стекло,
это кружево живое,
огневое, снеговое.
От него светло,

как от той звезды, чьё имя,
не утешившись другими,
он шептал в ночи.

И тревожный и недвижный,
и взволнованный и книжный
жар его свечи.

Соблазнит, но не согреет, —
словно тайнами повеет
из былых веков.

То мерцающий, манящий
в поэтические чащи
звук его стихов.

3

Тайна

*Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но увы! не красота...
Только мука идеала.*

Передать его черты?
О таком и не мечтала.
Всё в нём тайна красоты,
Всё в нём мука идеала.

Ею движим и пленён,
С ней слиян и неразлучен.
Всё в нём музыка, и он
Этой музыкой измучен.

Этой тайны никогда
Всуге мы не разгадаем.
Как далёкая звезда,
Он с земли недосягаем.

2016

Читая Блока

1

Догадка

Покой. Свобода. Тишина.
В чужие вчитываюсь страсти,
Чужую муку пью до дна,
К чужой приглядываюсь масти.

И нарастает сердца пыл,
Чужой весны пьянит истома.
Я только тень, я только пыль
Живого блоковского тома!

Догадкой вспыхивает взор —
Одно нам выпало страданье:
Тоска. Усталость. Горизонт.
Любви бессмертной ожиданье.

Так, дожидаясь, и умрём,
Две точки в звёздном хороводе.
Но каждый в чёрном небосводе
К своей звезде приговорён.

И мне отрадно сознавать
Чужого дара превосходство.
И среди людей своё сиротство
Мне легче *так* переживать.

2

Грех

За Незнакомкою спеша,
Успеть ли с жизнью разобратся?
Да и зачем, когда душа
Так неверна земному братству?

Куда летит, куда спешит
И чем неверность искупает,
Поймёт лишь тот, кто сам грешит
И над обыденным взлетает.

Пусть за бедой идёт беда —
Ведь для того и жизни мука,
Чтоб ощутить блаженство звука,
Как вкус запретного плода.

И, сладость чувствуя греха,
Забуть о сроке искупленья
И погрузиться в плоть стиха
До стога, до изнеможенья.

3

Хмель

*Я послал тебе чёрную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.*

Что чернеет так чувственно, так одиноко?
Что сверкает огнём золотистой струи?
Это чёрная роза печали от Блока,
Это брызги хмельного аи.

Вот опять я смотрю на неё и немею,
Понимая, как тайна её велика.
Вот опять от вина золотого хмелею,
И всё тянется к хмелю рука.

4

Скиф

Да, скифы мы...

*..Держали щит
меж двух враждебных рас —
Монголов и Европы.*

Ну что мне Блок? Зачем я снова в нём
Ищу исход глухим своим тревогам?
В нём — высохшем, измученном, больном,
Не меньше прочих грешном перед Богом.

Что мне его туманы и шелка,
И то вино, где истины не боле,
Чем запаха у зимнего цветка,
К примеру? Но какая крепость боли!

Какая высота!.. Никто не спас.
Как воин пал, растерзан и раздавлен,
За этот *щит меж двух враждебных рас*,
Что за сто лет так страшно продырявлен.

5

После «Двенадцати»

С ним дружбу старый друг не водит,
В беде оставив одного.
Тот стороной его обходит,
Кто почитал за божество.

Лихие ветры закружили
И вовлекли в свою игру.
Ему «Двенадцать» не простили
Его собратья по перу.

В них смертный ужас перед бурей
И неприятие её.
В его мятущейся фигуре —
Земного пульса колотье.

Сквозь оглушительные норды
Он слышит жизни естество:
И Революции аккорды,
И фальшь, убившую его.

6
Бескрайняя весна

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...

О весна без конца и без краю...

О, Русь моя! Жена моя!

В белом венчике из роз...

Предчувствовал Её. А годы шли и шли.
И таяли мечты, и рушились тенеты.
И вот он стал собой, певцом своей земли.
Удивлены друзья, оскорблены эстеты.

А он уже поёт бескрайнюю весну,
Туманных грёз ему не надобно отныне.
Он вздыбленную Русь лелеет, как жену,
И вместе с ней идёт к мучительной кончине.

Он с нею навсегда, их смерть не разлучит.
И новых дней заря, блеснувшая надеждой,
Небесного огня последний дар вручит
И догорит во тьме, его смыкая вежды.

И он угаснет с ней, истерзанный, больной,
И в венчике из роз придёт за ним Мессия.
С вопросом обратясь: «Что станется с женой?»,
Услышит он в ответ: «Останется Россия».

1996, 2003, 2013, 2016

На исходе дня

(Невольное подражание Блоку)

Скрипка стонет под горой.

Ещё один прожит — безумно, бесправно.
С тоскою о вечном, с мечтою о главном.

С непонятым словом, с отказом ответным.
И с камнем на шее, и с образом светлым.

С подавленным бунтом, с трудом безнадежным.
С любовью, с разлукой, с прощанием нежным...

И снова на сердце задёргалась рана,
И жизнь показалась, как давеча, странной.

И странные мысли волной накатили.
Отбросили вдаль и назад возвратили.

И снова звучала мучительно скрипка
О боли душевной, сосущей и липкой.

О том, что греховны, как ересь, желанья,
И день очищенья есть день умиранья.

Но жаркие страсти и мрачные склепы
Принять заклинала, светло и свирепо.

Стонала и ныла, и насмерть стояла
За звук этот нервный, за день этот малый.

За скорби и жизни в едином потоке.
И Богу молилась за дух одинокий.

1990

Есенин

1

Постоялец

Неумолчно шумит конопляник
В живописном рязанском селе.
Ах, ты лапотник, путаник, странник,
Запевала в стальной кабале!

Жги, тальяночка, сердце слезами
И рассказывай, как за постой
Васильковую душу терзала
Лихоманка России святой.

Спой, как молодо очи горели,
Как в стреляющей мгlistой дали
Наливались нехитрые трели
Безутешною мукой земли.

От грехов ты своих обалдела,
Иль такая твоя благодать?
Это ж, матушка, гиблое дело —
В смутный час гусяров порождать!

Трепещи — зацелуют в ознобе,
Необузданной воли птенцы.
А когда присмирят во гробе,
Крест поставишь и — в воду концы...

Сладко билось сердцу в разгаре.
Что ж теперь-то не рвёшь из груди?
Постоялец твой в пьяном угаре,
А душа его — с неба глядит.

2

Мне с детства эта музыка близка,
Проникнутая нежностью и грустью.
Простой узор крестьянского платка
Той дышит, дореформенною Русью,
Ещё в колхоз не загнанной силком
И городской спесью не убитой;
С речным простором, жёлтым ивняком,
Щекой, румянцем девственным покрытой...

3

«Сукин сын»

*Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.*

Эта «девушка в белом» всегда предо мной.
Этот пёс-почтальон... Так и вижу бродягу,
Что с запиской бежит. Сердце дышит весной
И роняет стихи, как весеннюю влагу.

А потом (неизбежное это «потом»!)
Бьётся тише, скромней, и, повадку меняя,
Признаётся: теперь я люблю в голубом,
Но забыть не могу отшумевшего мая.

1991, 2013, 2016

Маяковский
(О любви)

1
О любви и Лиле

*«Любовь это жизнь, это главное.
От неё разворачиваются и стихи,
и дела и всё пр. Любовь это сердце всего».*

Из письма Маяковского Лиле Брик

Лиличка! Вместо письма —
Жизнь, словно спелая вишня:
Губы раскрыть — и сама
Падает с соком излишним.

Детанька! Вместо мехов,
Вместо гардин и сервизов, —
Облако! С самых верхов:
Там, где висят парадизы

Нежности — большей, чем дар
Вашей души бережливой.
Нате, дивитесь — пожар!
Пробуйте быть несчастливой!

Носится по небу шар —
Не замечаете, нешто?
Вышла громадой душа.
Что ж тут поделаешь, ешьте...

Вышла — и прямо в любовь
Врезалась, вторглась, вломилась.
Глаз, переносица, бровь
Эту отведали милость.

Сердце с обрыва летит.
Это не будни, не брэнность,
Не безутешность обид.
Это — к Копернику ревность!

Вам не понять ни строки —
Вы к обожанью привыкли.
Душенька! Эти виски
К Вам беззащитно приникли.

И беззаветно теплы
Эти гремящие ноты.
Вам всё столы да балы,
Им бы — любви и заботы.

Впрочем, не надо. Страдать —
Вот ведь задача поэта.
Вместо того, чтоб ласкать,
Страсть зажигайте в пол-света!

Мучайте — Вам не впервой!
Мучить приучены стервы.
Вот он, накал огневой,
Дрожь оголённого нерва!

Слышите, тесно в груди?
Это — галактикой мерьте.
— Милая, не уходи,
Я ведь тебя обессмертил.

2

О любви и стране

Обвал в Политехническом,
Наяривает публика.
Двадцатый, вулканический,
Качай певца республики!

В сто сорок солнц горящего,
Не малого, не пьяного,
А просто настоящего,
Живущего сверхпланово!

Ещё в тебе долагерно,
Страна новорождённая.
Помахивая флагами,
Попыхивая домнами,

Роман с ним крутишь бешеный,
Играешь с ним, как с маленьким.
Ведя на неизбежное,
Раскачиваешь маятник.

Двадцатый, вышибающий,
Кончай его, по темечку!
Чтоб спела баю-баюшки
Страна, щелкая семечки.

1989, 2014, 2016

Прогулки с Сашей Чёрным

1

*Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, чёрт возьми?*

Гуляли как-то меж людьми.
— В кого б влюбиться, чёрт возьми? —

Спросил поэт. — Весна кругом!
Хлопочет кот, грохочет гром.

Проснулись кактус и душа,
И жизнь, чертовка, хороша!

И только люди всё кряхтят,
Никак проснуться не хотят.

В кого ж? Повсюду суета.
Смотрю: не та... опять не та.

Бегут, объяты кутерьмой.
Как несвободен город мой!

Издёрган, мрачен, слаб и хил.
Как быт его поработил!

Ну что, ей-богу, за народ!
Весна идёт, весна поёт,

А он всё делит барыши.
Он болен ленью души!

Он фарисействует и врёт!
Он этих песен не поймёт.

Куда ж от глупости людской?
Куда ж от спеси городской?

От дрязг и стычек, чёрт возьми, —
Туда, где нежность меж людьми.

2

Снова грянуло время охлоса,
Время варвара беспородного.
А над ним парит рыцарь образа
Одинокого, благородного.

Пастернак

1

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути.*

Непоседлив, встревожен, разбужен
Яркопёрой шумливой музой.
И с цветком, и с травинкою дружен,
И сначала не чувствует груза
Страшных лет, чёрных будней ГУЛАГа.
А потом — всё страшнее и круче...
А потом, словно солнце сквозь тучи,
Пробиваются строчки Живаго.
Всё сбылось, и уже безусловна
Жизнь, бесценная в каждой минуте.
Он прощается с нею любовно
И, прощаясь, доходит до сути.

Но надо жить без самозванства...

Так бывало и будет не раз:
От полуночи и до рассвета
Заменяет мне длинный рассказ
Всеохватное слово поэта.

Не страницы листаю — века:
Каждый век поделён на мгновенья,
И мгновенно доносит строка
Шум и буйство земного цветенья.

И сквозь листьев весеннюю дрожь,
Их сумятицу и многословье,
Слышу: в дом ко мне запросто вхож
Старомодный уют Подмосковья.

Распалаясь, дымит самовар,
И в саду закипает работа.
И в опеке заботливых лар
Слышен отзвук шопеновской ноты.

Чуток воздух и камень не глух,
И, без всякого там самозванства,
Каждой клеткою дышит пространство,
Будоража и пестуя слух.

2003

Ахматова

1

Мы в обители суровой,
Где разгул земли немыслим.
Как священные покровы,
Ветви снежные повисли
И качаются немного,
Ослепляя чистотою.
Слово пристально и строго,
И не тронута тщетою.
Даже вздохи и амурсы
Под надзором сфер небесных.
Грациозная фигура
В городских проёмах тесных
Не снижается до брани,
А парит себе над миром.
Видно, Бог во вражьем стане
Позабыл однажды лиру.
Поднялся в свои пенаты,
Ну а лира здесь осталась.
Долго пела скорбь утраты,
По земным углам скиталась.
Одолела все дороги
В свете высшего главенства
И в наследство нам, убогим,
Завещала Совершенство.

2

...Я была тогда с моим народом...

Неизменно, год за годом,
В холод, в лютое ненастье,
Со своим была народом
Там, где был народ к несчастью.

Не кляла, не убегала,
Горе общее делила.
Потому великой стала,
Что себе не изменила.

Все к счастливому билету
Руки тянут, аж потеют.
Бремя русского поэта
Кто сейчас нести сумеет?

3

Перчатки

*Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.*

Ах, пути у любви не гладки,
если влюбишься без оглядки.
Перепутать легко перчатки,
трудно голову сохранить.

Кто любовное знал волнение,
для того и стихотворенье.
А не знавшие — те в сомненье:
мол, не может такого быть.

2003, 2014, 2016

Реквием по Мандельштаму

1

*Я срываю с себя литературную шубу
и топчу её ногами.*

Читателя! Советчика! Врача!

Слова горячечные, сумбурные,
Как смертник в логове палача,
Он шепчет, шубу литературную
С презреньем судорожным топча.

На крик срываясь, гневит правительство,
Клеймит писательство, честит народ.
Над ним небесное лишь покровительство,
Да ведь и то его не сбережёт.

Да ведь и как сберечь ту птицу певчую,
Что не умеет жить среди людей?
В тиши хоронятся сверчки запечные,
А этот — выскочка, плюс иудей.

Плюс нервы сорваны, плюс все предатели,
И нет пристанища, и нет врача.
Хотя б советчика, хотя б читателя.
Но только, Господи, не палача!

2

...Россия, Лета, Лорелея.

Сколько терний, тягот и передряг!
О вольготной жизни он разве что в сказках слышал.
У других хоть туго, хоть кое-как,
а у этого с властью вовсе роман не вышел.

Ну не смог приладиться, не сумел
стать железному сердцу её хоть чуть-чуть милее.
У России стройка, громада дел,
а он всё щебечет ей про Лету и Лорелею.

3

Сохрани мою речь...

*И Шуберт на воде,
и Моцарт в птичьем гаме...*

Сохрани его речь, Господи,
сохрани.
Надвигаются чёрной тучей
лихие дни.

Нет в них, Господи, чистоты Твоей —
всюду муть.

Сохрани, что ещё осталось в нас,
хоть чуть-чуть.

Чтобы мы, вопреки программе
врага Земли,
слышать Моцарта в птичьем гаме
еще могли.

2015, 2016

Цветаевский венок

1

Пешие прогулки

*В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешихожих ступней!*

1

А по Москве бродить всё больше не к добру,
И не к добру теперь бесцельные прогулки.
Всё равнодушнее, всё глуше переулки,
И всё более сердцу быть не ко двору

На старых улицах, по-новому бурлящих,
Целенаправленно внедрившихся в прогресс,
Где нас с тобой, таких живых и настоящих,
Вобрал поток. Как по реке сплавляют лес,

Так две души в разливе бешеного века
Несёт от берега бесстрастная волна.
И ни к чему теперь державная опека,
Но всё острее сердцу родина нужна.

2

Здравствуй, златовласая спартанка!
Здравствуй, непомерная любовь!
На двоих — московскую баранку
И наполеоновскую кровь.
На двоих Москву — совсем другую:
Холодом пронизанную даль.
Нынче не горда — снуёт, торгует.
Ей теперь последнее отдай —
Бренностью не тронутое имя.
Вмиг растреплет, что с неё возьмёшь?
Нынче так и нужно — быть другими,
Современно мыслящими.

Что ж,

Может, попытаться, раствориться
В обновлённых водах бытия?
Говорят, что выживет Жар-птица
Только в серой шкурке воробья.
Расхрабрится, раз-другой подпрыгнет, —
Вот тебе и дерзость, и полёт.
Говорят, что сердце не погибнет,
Только если спрячется под лёд.

Только если всю свою безмерность
Хладнокровной мерой пресечёт.
Может быть тогда...

Но в сердце верность
Той Москве, которой лишь клочок —
Крохотный! — оставлен нам судьбою,
В островках пробившейся травы...
Тот клочок да небо голубое —
Всё, что нам осталось от Москвы.

3

Непримиримы.
В том и сошлись.
Времени *мимо*
Так пронеслись,

Что не осталось
Места живого,
Только усталость
От рокового.

Непокорённость.
Неистребимость.
В сердце влюблённость
Птицею билась.

Так трепетала,
Так разрасталась!
Кротости женской
В нём не осталось.

Только до стона
Волчьего боль
И обречённость
Встречи любой

На расставанье.
Неутолённость.
Скорость взросленья.
Что там влюблённость —

Чуткой любовью
Вскормленный слух
К всяческой фальши.
Голос не глух —

Звонок и весел,
Чист и высок.
Что же для песен
Ласковых строк

Нам не даётся?
Тем и близки:
Пьём из колодца
Русской тоски.

4

Общность и разность.
Проникновенье.
Кровная связность —
по вдохновенью.
По устроенью
сердца, не слога.

Насмерть горенье —
 общего много.
Настежь открытость
 бурям-напастям.
Сердца разбитость —
 плата за страсти.
О, неизбежность!
 О, безнадёжность!
Скрытая нежность.
 Мнимая сложность.
Так и случилось,
 так и связалось:
первопричинность
 чувства сказалась.
Женская слабость
 к схватке готова
за златоглавость
 духа и слова.
Чёрной полоской
 жизни наука:
так по-московски —
 гордость и мука.
Нынче свобода,
 завтра гонимость.
Пешего хода
 неустранимость.
Вдоль по Москве-то —
 это ль не счастье?
Но ни ответа
 в ней, ни участия.

Так и томиться?
Так и скитаться?
Но не смириться,
но не расстаться!
Так и даётся,
хоть не просили,
это сиротство —
плата за силу.

2

Сестра

Язычица, разбойница, бунтарка,
Печёт мне душу твой болючий след.
Ты смутных, страстных дней моих товарка, —
Я помню их тоску и жаркий бред.

Кричащие вопросы без ответов
И пропасть одиночества в груди...
Была ты мне сестрой среди поэтов,
Была ты тем, что нынче — позади.

Как позади языческая эра
У тихого паломника вершин,
Так дерзкий бунт, ещё не знавший веры,
Остался горькой памятью души.

3

Марине

За стойкий труд, за верность ремеслу,
За преданность рабочему столу,
За мужество не кланяться властям,
За гордое презрение к скоростям,
За пламенный и честный голос твой,
Наполненный Россией и Москвой,
За жизни всей трагический урок
Поклон тебе, Марина. Между строк
Читаю укоризны горький жест:
Не сотвори кумира из божеств!
Они легки, не идолам чета,
Им жертвовать живыми — слепота.
Служить — о да! Но в рабстве быть — уволь.
Небесный суд тебе за эту боль —
За жгучую, терзавшую уста,
Слепой гордыни муку без креста.

1997, 2003, 2011

Вертинский
(Игрушка)

В бананово-лимонном Сингапуре...

Слащавый фронт? Салонный куплетист?
Мальш Пьеро, изнеженный и тонкий?
Ах, критика, молчи! Ведь он артист,
Его критиковать — что бить ребёнка.

Но что за крест! В век залпов и страстей
Не пасть в бою, не лужицей растечься,
А стать игрушкой тех больших детей,
Что в этот мир приходят поразвлечься.

Но он и в царстве низости высок.
И тем его пленительно звучанье,
Что он светло и как-то беспечно,
Как вечный странник — вечно одинок.

Бананово-лимонные огни
Так равнодушно-холодно сверкают...
Но он с надеждой к Господу взывает:
— Хотя б в конце мне родину верни!

2003

Стихи Бунина

«Ну что его стихи? Вот проза — это да!» —
Мне говорил один ценитель искушённый.
А я читала стих и думала: звезда
Так падает в ночи на луг заворожённый.

Так свет её к утру, на небе догорев,
В земную входит глубь,
 с нутром сливаясь влажным.
И вскорости затем небесный тот посев
Становится стихом, неспешным и протяжным.

2016

Георгий Иванов

*С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...*

Иванов

*Я маленькая поэтесса
С огромным бантом.
Одоевцева*

Ещё франтит, одет по моде.
Но жить невмочь в родном дому.
На «философском» пароходе
Хватило места и ему.

И вот приплыл, и вот в Европе,
Где лишь о родине поёт.
И пустота звенит в утробе,
И безнадежность гнёзда ввёт —

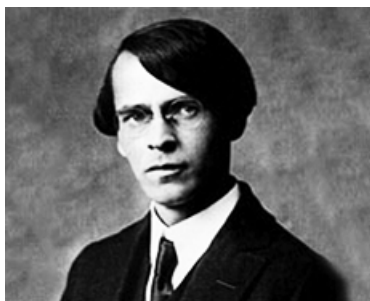
Свои тоскливые, пустые, —
В душе, где должно свету быть.
Но свет остался в той России,
Что не вернуть и не забыть.

Ещё живёт, ещё порою
Строка пленительно-нежна.
Но жизнь, уже не много стоя,
Ему всё менее нужна.

Судьбой проклятой эмигранта
Уже насытился вполне.
Лишь та одна, с огромным бантом, —
Как свет единственный в окне.

2016

Памяти Ходасевича

1

Портрет поэта

Немногословен, замкнут, ироничен.
До крайности болезнен, вот беда.
Эффектен? Ярок? Слишком необычен?
Скорее нет. Хоть кровь его горда,
Он весь в своём труде, в сердечном горе.
В них углубившись, редко видит свет.
Не потому ль, что сам глубок, как море?
Не потому ль, что истинный поэт?

2

(Путь поэта)

*Так и душа моя идёт путём зерна:
Сойдя во мрак, умрёт — и оживёт она.*

Иди, поэт, путём зерна:
Умри в земле, взойди побегом.
И вновь, укрытый белым снегом,
Переродись. Придёт весна

И ты опять из тьмы взойдёшь,
Дав жизни вдох земле окрестной.
Живи, поэт. Когда ж умрёшь,
Совсем умрёшь, — вдруг интересной

Твою манеру назовут,
Тебя заметят и обсудят.
Да только что тебе их суд —
Тебя среди них уже не будет.

Но сохранятся письма.
Они и станут им ответом:
Ты просто шёл путём зерна,
А что особенного в этом?

2016

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ольге Берггольд

1

Я не знала войны и детей не теряла,
И суровый ГУЛАГ обошел стороной.
Но от боли твоей сердце так застучало,
Словно это моё, словно это со мной.

Твой израненный слог, простодушный и горький,
Мне уснуть не даёт, как тревога в ночи.
Невский ветер сырой, ледяные пригорки
И мерцанье в окне одинокой свечи, —

Вижу всё наяву, слышу в яростном звуке,
Как блокадным кольцом, так, что выжить невмочь,
Скорбно сжаты твои истомленные руки,
Пережившая ад ленинградская дочь.

2

*...А я бы над костром горящим
Сумела руку продержать,
Когда б о правде настоящей
Хоть так позволили писать.*

Тонкий стан, золотые волосы,
А в груди — как трава сквозь твердь —
Хрупкий стебель живого голоса
Прорастает сквозь ад и смерть.
Вот костёр горит опаляющий —
Все бегут, ты одна стоишь
Перед бездною той пылающей:
Руку держишь и говоришь
Слово чистое, заповедное,
Не сгорающее в огне,
Беспощадное, исповедное,
О любимой своей стране.
Вот рука твоя — не дрожит она,
Хрупок стебель, да не убить.
Вот дыханье твое, вот жизнь твоя, —
Всё отдав, продолжаешь жить.

3

Убитая, бесслезная,
Но нет в тебе надрыва.
Проходишь время грозное
С той верою счастливой,

Что не даёт извериться,
Согнуться, надломиться.
По ветру не развеется,
Тщетою не поглотится

Та вера безусловная
В страну свою родную:
Безбожную, греховную,
Безжалостную, злую.

Дитя твое отнявшую...
Ах, нет уже на карте
Страны, легендой ставшею, —
Уж новые на старте,

Что друг у друга отняты
И веру растеряли.
Никто не пишет оды им
И жизнь отдаст едва ли

За их гнилые «ценности».
А стих твой и поныне
Звучит высокой цельностью,
Звенит в небесной сини.

2010

Юлии Друниной

*Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!*

Твои стихи не потускнели,
Всё тем же светятся огнём.
Ты не смогла, а мы смотрели
На этот ужас день за днём.

Ещё всего не сознавая,
На свой же пялились исход,
Его победой называя
«Демократических свобод».

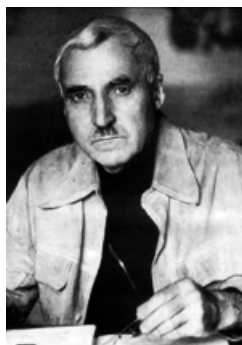
А ты ушла. Ты так решила,
Суть безошибочно поняв.
Самой себе не изменила,
Строку и память не предав.

С тобою братство фронтовое,
Дорог военных колея.
Позор проигранного боя
Душа не вынесла твоя.

И нет ни толики укора,
Лишь грусть безмерная одна.
Победой чести в век позора
Твоя закончилась война.

2016

СИМОНОВ
(*Искренность*)

1

Я всего лишь зритель в этой драме,
Но до слёз довёл меня герой.
Так, ничуть не менее, чем пламя,
Обжигает искренность порой.

Там, где рядом смерть, правдивей чувства,
Трепет жизни ценится вдвойне.
Искренность — великое искусство,
В жертвенном рождённом огне.

Поутру священной будет битва,
От земной очистит шелухи.
«Жди меня» — не меньше, чем молитва,
И уж точно больше, чем стихи.

2

Я читала, что он тосковал по войне.
Это как же? — когда-то подумалось мне.

По боям и смертям? По солдатским костям?..
Не по ним — по высоким, безгрешным страстям,

Пробуждённым в душе, по правдивости чувств.
У поэтов войны правде сердца учусь.

Верю каждому слову и нынче вполне
Понимаю, как он тосковал по войне

В мирных днях, куда подлость вернулась и ложь.
В них себя потеряешь скорей, чем найдёшь.

Впрочем, что ж, ничего, будешь жить и писать,
Приучившись, как все, лицемерить и лгать.

И над прошлым кружить, вспоминая о том,
Как был честен и прям, защищая свой дом.

Как пред Богом стоял и Отчиной своей —
Оглушённый, седой, потерявший друзей.

Заплативший за то непомерной ценой,
Чтоб звучала строка неподдельной струной.

2015 – 2016

Тарковский

Печать суровости, осиплости
На этом голосе глубоком.
Вот где прививка от красоты,
Вот кто слащавость звать пороком
Имеет право!

Дуб могучий

Так судит нашу худосочность,
Как этот стих — земной, колючий,
Войной испытанный на прочность.

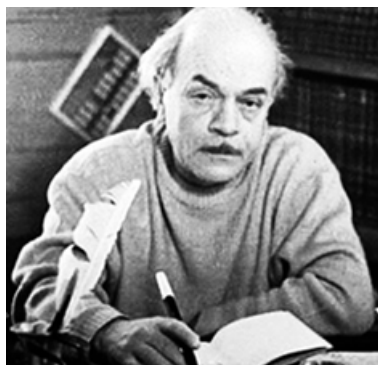
2

В облаках не витал,
на пирах не вкушал
сладкозвучного зелья.
Но весь мир обнимал,
но корнями вралстал
в эту горькую землю.

Стал листвою и травой,
и весенней Москвой,
и Христом на Распятье.
Стал тяжёлым, как ком,
горло сжавшим стихом,
вековым, как заклатье.

2013, 2016

Давид Самойлов

*Вот и всё. Смежили очи гении.
И когда померкли небеса,
Словно в опустевшем помещении
Стали слышны наши голоса.*

Да, смежили очи гении,
Да, померкли небеса.
Но на искры вдохновения,
На большие голоса.

Мать-природа, хоть умеренно,
Но щедра ещё вполне.
К ним, горевшим и обстрелянным,
Мир добывшим на войне.

Им за подвиг героический
Отдаётся всё, что есть:
В них и жар ещё лирический,
В них и совесть, в них и честь.

В них вполне ещё присутствует
Русской речи чистота.
Им вполне ещё сопутствует
Благородная мечта.

Их ещё волнует вечное,
Человечное влечёт.
Только время быстротечное
Всё стремительней течёт.

Мчит уже с остервенением,
Гаснут в спешке голоса.
С каждым новым поколением
Всё мрачнее небеса.

2016

Шпаликов

1

Голос

Дело тут не в рифмах,
Не в словах и фразах.
Дело только в жизни —
Пёстрой, грустной, разной.

Как она захочет,
Так и повернётся
А душа хлопочет,
Мается и рвётся.

А порвавшись, плачет
Чистыми слезами
И на мир взирает
Детскими глазами.

Спрашивает, ищет,
Где приют и ласка.
А в ответ ей свищет
Ветер — не из сказки,

А из самой жизни,
Грубой, глупой, горькой.
В ней душа пропала,
Как в стогу иголка.

Надломилась, сникла,
Потерялась вроде.
Но остался голос,
Вечный по природе.

Хрупкий от рождения,
Странный, как причуда:
Словно наважденье,
Словно не отсюда...

2

Я к вам травую прорасту...

...Не надо мне гражданской панихиды...

А я иду, шагаю по Москве...

Обещал травую прорасты,
Говорил, не надо панихиды...
По Москве идти бы да идти,
Дошагать до самой Антарктиды.
Но усталость выросла в груди,
Насмерть задавила.
Что ж осталось?
Хрупкая травинка, погляди,
Проросла к весне, как обещалось.

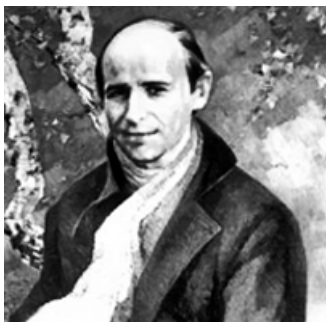
2001, 2015

Рубцов
(Никола)

1

Ушёл Никола на Крещение.
Трещал мороз, мутился разум,
А он оставил нам свеченье
Души своей голубоглазой.

Пока другие изощрялись,
Стихи, как ребусы, лепили,
Во лжи исправно упражнялись
И положеньем дорожили,

Пока они, марая души,
Писать учились на потребу,
Святую Русь Никола слушал
И восходил душою к небу.

Прохлада северного лета
И старина с её преданьем
Его строкою отогреты,
Его очищены страданьем.

Живая Русь, не прописная,
Его Голгофа и святыня,
За ним стоит, как мать родная,
А он над нею, Божий сыне.

2

Под бессмертными звёздами

*...И надо мной —
бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...*

Все дары уже розданы,
Но, Россией дыша,
Под бессмертными звёздами
Хорошеет душа.

Певчей птицей становится,
Расправляет крыла.
Хоть порой нездоровится,
Хоть рутина и мгла

Душат так, что не вырваться,
И такая тоска,
Что в стихах только выльется.
Вот и льётся река,

Прирастает, речистая,
Ручейками в пути.
Пой, поэт! Голосистую
Душу ввысь отпусти.

Приходи с покаянием,
Благодарствуй, проси
Под бессмертным сиянием
Ненаглядной Руси.

2006, 2016

Вспоминая Высоцкого

1

Кони

Чуть помедленнее, кони...

Я музу тороплю:
Гони, беги, спеши!
Я эту жизнь люблю,
Наперсницу души.

Люблю за свет в очах,
А не за пыльный грош.
За ласковый очаг,
За боли острый нож.

Хочу успеть везде,
Хочу сказать про всё!
Ах, значит быть беде,
Раз конь меня несёт!

Ах, русская стезя,
Ты многим сердце рвёшь:
И быстро так нельзя,
И медлить не даёшь.

2

Артист

Стих небрежным мазком сходу брошен на лист,
Непричёсан и шероховат.
Не судите его — это пишет артист,
Что всему человечеству брат.

Сколько судеб сыграл, сколько жизней прожил
Ненасытным актёрским нутром.
Воевал, погибал, ненавидел, любил,
Званным гостем входил в каждый дом.

И горел и хрипел, и срывался, как псих, —
Так допеть свою песню спешил.
И ронял на ходу горлом хлещущий стих,
Словно кровь из надорванных жил.

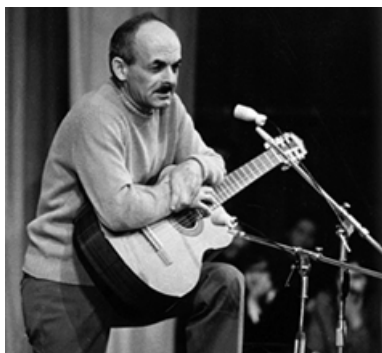
3

Гамлет

По сцене мечется поэт
Во власти вечного вопроса.
И, как всегда, ответа нет.
А муза так многоголоса,
Что всё способна охватить,
И нет того, о чём не спела.
Вот только *быть или не быть*,
Ответить так и не сумела.

2002, 2016

Окуджава
(Гусар)

*Совесьть, благородство и достоинство —
Вот оно, святое наше воинство.*

Тонкий, да удаленький,
Стойкий, а летит.
И оркестрик маленький
Чисто так звучит.

Совесьть и Достоинство
Вновь идут в поход.
Их святое воинство
Грешных нас ведёт.

И гусары стройные
С дамами на «Вы».
Все они достойные,
С ног до головы.

Все они прекрасные,
Все они поют.
Тьма придёт ужасная,
Если их убьют.

Если вдруг не выдержат
Звонкие стрелки,
Долгий путь не выдюжат,
Сгинут от тоски.

Кто же нас, бессовестных,
Будет защищать
От гнилых, фасонистых,
Нам привыкших лгать?

Кто придёт на выручку?
Только он, хоть стар,
С благородной выучкой
Истинный гусар.

Кто споёт нам ласково
Правду всю о нас?
Только он, хоть лязгает
Века тарантас,

И от лязга глохнем мы,
И в аду горим,
И о том, как плохо нам,
Жалобно скулим.

Кто придёт на жалобу?
Только он один,
Хоть давно пожалован
В генеральский чин.

2003

Ахмадулина

1

Некролог

Всё вздор, в чем тайны нет.

...уходят запахи и звуки.

Такая уж настала полоса —
Всё меньше тайны в ней, всё больше вздора.
Последние большие голоса
С Земли уходят в вечные просторы.

Как будто бы прелестница-любовь,
В последний раз подняв над суетою,
Свой чудный хмель нам впрыскивает в кровь
И покидает... Таинство простое

Её забав, изящество строки,
Божественной рассыпанное дланью, —
Всё в сердце остаётся, но тоски
В нём не унять в минуту расставанья.

В нём горькая, глухая тишина,
Отнявшая и запахи, и звуки,
В нём жарких слёз густая пелена.
Но по законам певческой науки

Садится ночь на краешек стола,
И, пережив внезапное сиротство,
Оно вздымает вновь свои крыла
И утверждает Музыки господство.

2

Слушая Беллу

Что за голос, не голос — река:
Так протяжна, вольна, глубока!
С головой окунаешься в воду
И плывёшь. И такую свободу
Ощущаешь в неспешном теченье,
Что о смысле его и значенье
Забываешь и думать. И полно!
Только звука чистейшего волны
Здесь важны, только в музыке дело
И в пленительном имени «Белла».

2010

Бродский

1

Тень

*Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться
будет лишь благодарность.*

Сколько раз рот пытались закрыть — не вышло,
Только шире раскрылся, разговорился.
Нет сомнений, за ним наблюдали свыше
С той поры, как в мире он появился.

Что ж такого — за каждым ведь наблюдают,
За поэтом вдвойне неусыпно бденье.
Но не каждый родину покидает,
Чтобы стать ее иноязычной тенью.

Да, не каждый свою принимает данность
Без иллюзий пустых, сожалений тщетных,
Выражая родине благодарность,
Поношений сумев избежать ответных.

И его звезда закатилась рано:
Нет уж родины той, вот и тень исчезла.
Позавидовать могут другие страны,
Как отвечивал ей, высоко и честно.

2

Холод меня воспитал...

В нём солнца нет, он сын своих пенат:
Его питал болотный душный чад,
Его поила хладная Нева,
Имперские мололи жернова.

Всё пригodiлось, всё вошло в строку.
От юноши — полшага к старику.
От жизни к смерти меньше и того.
В нём солнца нет — такое естество.

Душа стара — нехватка в ней тепла.
Отметины от познанного зла
Видны повсюду, до последних дней.
Что ж, слава, не жалей своих огней!

Пусть высится, как холм среди равнин,
Еврейский мальчик, мира граждан.

3

Я памятник воздвиг себе иной!

Сколько слов! Длиной в версту
Протянулись. В том их роль,
Чтоб заполнить пустоту,
Чтобы выговорить боль.

Автор — родине укор,
Ею мучим и гоним.
Не вписался в общий хор
Одинокий пилигрим.

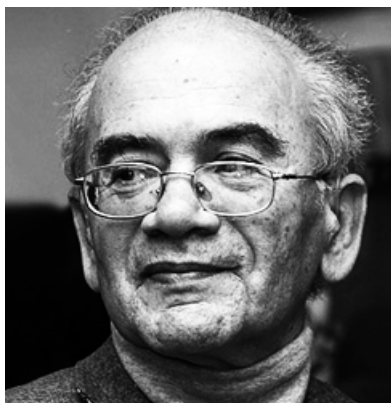
С грустью издали глядит,
Не беря с державы мзду,
И без умолку дудит
В однозвучную дуду.

Автор славен и велик:
Речи часть, её оплот,
Он привнёс в родной язык
Сырость питерских болот.

Их промозглый неуют,
В них живущая беда
Спать спокойно не дают,
Ранят душу навсегда.

2011

Кушнер

1

«Времена не выбирают», —
Он сказал — и все смирились.
И полвека повторяют,
Словно мантру, и простились
Не с одной уже эпохой
Под затверженные строчки,
Утешаясь, если плохо,
Льдом лирической примочки.

2

Славы предков достойное,
С музой севера дружное
Это строгое, стройное
Петербургское кружево.
Цепью крепкою сковано
Не с изменчивой модою,
Но с платоновской школою
И с державинской одою.

3

«У счастливой любви не бывает стихов,
А несчастная их не считает».
Подтвердит вам любой, нет правдивее слов!
Никогда так душа не взлетает,
Никогда так пронзительно стих не звучит,
Как в горячке любовных терзаний.
А когда отгорит, отболит, откритичит,
Срок приходит для воспоминаний.

4

От античных колонн
И до вырицких сосен —
Всё исследовал он.
Неулыбчива осень
И сурова зима,
Но за летою почтенной
Та же ясность ума,
Тот же слог вдохновенный.

2013, 2015

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	7
В пушкинский альбом.....	8
Читая Тютчева.....	17
Лермонтов.....	22
К Фету.....	26
Тургенев.....	28
К Некрасову.....	31
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	33
Приношение Анненскому.....	34
Читая Блока.....	37
Есенин.....	43
Маяковский (<i>О любви</i>).....	45
Прогулки с Сашей Чёрным.....	49
Пастернак.....	52
Ахматова.....	54
Реквием по Мандельштаму.....	57
Цветаевский венок.....	60
Вертинский (<i>Игрушки</i>).....	67
Стихи Бунина.....	68
Георгий Иванов.....	69
Памяти Ходасевича	71
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	73
Ольге Берггольц.....	74
Юлии Друниной.....	77
Симонов (<i>Искренность</i>).....	78
Тарковский.....	80
Давид Самойлов.....	81
Шпаликов.....	83
Рубцов.....	85
Вспоминая Высоцкого.....	87
Окуджава (<i>Гусар</i>).....	89
Ахмадулина.....	91
Бродский.....	93
Кушнер.....	96

Видавництво “Optimum”, 2016
(російською мовою)

Литературно-художественное издание

Ирина Дубровская

РОДНЫЕ ИМЕНА

Лирические портреты и посвящения

Издатель Б. А. Эйдельман.
Главный редактор А. А. Таубеншлак.
Редактор И. Р. Харитонкина.

Подписано к печати 20.09.2016.

Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура AcademySTT.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,75.

Тираж 50 экз. Заказ № 37/2016

Издательство «Optimum», 65045, г.м. Одесса,
ул. Спиридоновская, 9.
Тел/факс (048) 726-48-98; тел: (048) 794-12-42;
(094) 950-42-42.

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Напечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Плутон»,
65003, г. Одесса, ул. Атамана Головатого, 54.

По вопросам приобретения
книг об истории Одессы,
а также издания книг
любых жанров и тематики
обращаться:

Издательство «Оптимум»

65045 г. Одесса, ул. Свиридовская, 9

тел. (048) 726 48 98, (094) 950 42 42

(048) 794 12 42

e mail: optimum1@ukr.net